

Министерство культуры и архивов Иркутской области
Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева

Серия «Писатели Приангарья»

«Прости нас, Джек!»

Материалы по работе с произведениями
В. П. Гусенкова

Иркутск
2018

ББК 83.3

П82

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Составитель *В. А. Копылова*

Редактор *И. Б. Бражникова*

Ответственный за выпуск *Я. Ю. Гавриши*

«Прости нас, Джек!» : методические материалы по работе с произведениями В. П. Гусенкова / сост. В. А. Копылова ; ред. И. Б. Бражникова. – Иркутск : Изд. Иркут. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2018. – 20 с. (Серия «Писатели Приангарья»)

Издание включает методические материалы для работы с детьми 10–12 лет: комментированное чтение по рассказу «Прости нас, Джек!» и обзор-беседу по повестям «Бесплатка» и «Мой бедный Артаньян».

«Прости нас, Джек!»
методические материалы по работе
с произведениями В. П. Гусенкова

Составитель *В. А. Копылова*
Редактор *И.Б. Бражникова*

Компьютерная вёрстка *К.О. Герасимчук*

Владимир Гусенков

Биографическая справка

Владимир Павлович Гусенков родился 30 апреля 1932 года в Иркутске. В раннем возрасте потерял мать. Детство Владимира Павловича пришлось на трудные военные годы. Как и все его сверстники, он с лихвой познал все невзгоды того времени.

С двенадцати лет Владимир обучался в школе музыкантских воспитанников, затем были художественное училище, служба в армии. После демобилизации, в 1957 году, он поступил в Иркутский государственный университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1962 году. После учебы работал редактором в Восточно-Сибирском книжном издательстве, открывал с молодым коллективом Братскую студию телевидения, трудился на стройке – плотником, бетонщиком, редактором стенгазеты. В 1966 году, получив богатый жизненный опыт, вернулся в Иркутск, где и проживает до настоящего времени.

Произведения Владимира Гусенкова печатались в Иркутске, Новосибирске, Москве, в Болгарии, Японии. Всего в Иркутском книжном издательстве вышло три его книги. Иркутский читатель знаком с такими повестями, как «Между двумя рассветами», «Семь дней романтики». Юным иркутянам Владимир Гусенков известен в первую очередь как автор повестей «Бесплатка» и «Мой бедный Артаньян», написанных по воспоминаниям собственного детства.

Работал Владимир Павлович и в областных газетах. Его стихи были опубликованы в альманахе «Ангара», в коллективных сборниках. В настоящее время произведения Владимира Гусенкова печатаются в журнале «Сибирь».

«Прости нас, Джек!»

*Комментированное чтение рассказа с обсуждением
с детьми 10–11 лет*

Действующие лица: Ведущий, Чтецы (из детей, умеющих читать с выражением. Количество чтецов – на усмотрение организаторов мероприятия).

Оформление: видеопрезентация; плакаты с текстом: «Мы в ответе за тех, кого приручили»; «Жестокое обращение с животными есть только первый опыт для такого же обращения с людьми»; «У собак один недостаток – они верят людям».

Рассказ Владимира Гусенкова «Прости нас, Джек!» (Сибирь : журнал писателей России. 2005. № 4. С. 67–72) публиковался только в журнале, поэтому текст распечатывается для каждого из участников мероприятия (полный текст рассказа и материал для видеопрезентации – см. сайт: <http://detstvo.irkutsk.ru/authors/works.php?id=23>).

Ведущий: Здравствуйте, ребята! Сегодня мы с вами поговорим о рассказе иркутского писателя Владимира Гусенкова «Прости нас, Джек!».

(На экране демонстрируется портрет писателя.)

Ведущий: Как вы думаете, о чем этот рассказ и кто такой Джек? И почему дети просят у него прощения? *(Ответы ребят.)* У кого из вас есть дома собака? Как вы с ней обращаетесь? *(Ответы ребят.)*

Ведущий: «Прости нас, Джек!» – это рассказ про детей, которые живут в одном дворе, и про щенка, который у них появился. Послушайте, как автор описывает место, где происходит действие рассказа, и участников тех событий.

(На экране демонстрируется иллюстрация двора деревянного многоквартирного дома.)

Чтец (1): «Крытая веранда большого дома, фасад которого выходил на улицу, в ненастные дни лета служила нам укрытием от дождя. Здесь мы всей компанией коротали время, играя в телефон или просто болтая от нечего делать. Сюда иногда выкурить трубку выходил пожилой инвалид, и мы всегда с интересом наблюдали за тем, как он одной рукой управляется с расшитым кисетом, набивая самосадам свою огромную люльку, обжатую ободками из красной меди. Левый рукав, где едва угадывалась культа, он заправлял под ремень армейской рубахи...

В тот день на веранде у нас были обычные посиделки по случаю мокрой погоды. Ночью ливень в городе устроил небольшой потоп, и с утра небо никак не могло оклематься. С мокрых тополей все еще капало в лужи, по которым, босая, бродила Польша, чья душа до рождения, должно быть, обитала в цапле. Братья Суконцевы и Ленька по очереди пускали волчок, накачивая его так, словно это был примус, а на нем стояла сковорода с оладьями. Игрушечное отродье сначала металось по доскам, спотыкаясь и подпрыгивая, пока не успокаивалось на одном месте, издавая нутром низкое гудение. Все, включая Орика с его хорошенькой сестричкой Эльвирой и сидящей на перилах Нюркой, с таким вниманием следили за волчком, словно ждали от него чуда, а не припадочных виляний, которыми оканчивалось представление».

Ведущий: И здесь внимание детей привлекает инвалид Чаркин.

Чтец (2): «Чаркин-то и подобрал Джека возле продуктовой каменушки... Увидев щенка, он, наверное, вспомнил, что этой весной в своей ветхой конуре окошел наш старый пес Трезор, которого на собачьей свадьбе крепко покусали его хвостатые соперники. Как бы там ни было, а Джек, наряду с покупками, оказался в рабочей сумке печника.

К моменту, когда однорукий инвалид добрал до переулка, солнце успело выглянуть, и свидетелями трогательной сцены мы уже стали при очистившемся небе, когда зелень всюду засверкала бирюзой, а в соседнем дворе по этому случаю прокукарекал петух. Войдя во двор, Чаркин, к нашему удивлению, направился

не к веранде, а свернул к старому тополю у забора и там выпростал из своей заскорузлой торбы нечто, на что наши взоры обратились дружно, как по команде».

Чтец (3): «Оказавшись на свободе под тополем, щенок, распластав лапы, какое-то время с недоумением оглядывал двор, потом зевнул и, завалив хвостом, обнюхал страшные обутки инвалида. Запрокинутая мордочка обратилась к лицу нагнувшегося над ним благодетеля. Доброжелательно ухмыльнувшись, Чаркин своей узловатой клешней сначала погладил несмышленища по черной шерстке, затем извлек из сумки ломоть хлеба, откусил от него и начал жевать. Оськина мать Настасья, вышедшая на крыльцо, скрестив на груди руки, молча наблюдала за действиями инвалида. Размяв зубами хлеб, Чаркин, задумчиво двигая челюстями, примерился к местечку посуше и осторожно уронил жвачку. Щенок ее обнюхал, но не притронулся».

Чтец (4): «Скажите на милость, – удивился печник и обратил свой взор на веранду. – Видать, из этих самых, из карацуп. Мяса ему давай».

Чтец (1): «Мы засмеялись. Только наш старик и мог спутать известного на всю страну Карацупу с его не менее знаменитым Джульбарсом. Одно дело – пограничник, успевший задержать уйму нарушителей границы, другое – верный ему пес, прославившийся не меньше своего хозяина. Есть же разница между собакой и человеком».

Ведущий: Стоит пояснить, что здесь речь идет о знаменитом пограничнике Герое Советского Союза Никите Фёдоровича Карацупе, который за 20 лет службы на границе задержал 338 нарушителей и уничтожил 129 шпионов и диверсантов. В рейдах против нарушителей границы ему помогали хорошо обученные собаки, которых он сам дрессировал. Для детей он написал книгу «Жизнь моя – граница». Есть и другие произведения о Карацупе (*показать обложки книг на экране*). Никита Фёдорович был настолько известен, что многие мальчишки играли «в Карацупу», а вырастая, становились пограничниками.

Вернемся к нашему рассказу. Что же происходило дальше с найденным?

Чтец (2): «Он молочка просит, – раньше всех догадалась Нюрка и, бабочкой вспорхнув с барьера, бросилась в свою светелку, обещав мигом вернуться.

– Он какой породы? – спросил у меня Ленька.

– Не знаю, – сказал я, приглядываясь к ушам, которые скорее болтались, нежели торчали.

– Это черный сельтер, – авторитетно заявил Кешка.

– Ливер это, ребята. Всего помаленьку, – печник сделал свое замечание без пренебрежительных ноток в голосе и, вспомнив, по всей вероятности, что добрые люди должны обедать вовремя, направился к себе, чуть не став причиной ужасного столкновения с Нюркой, едва не расплескавшей молоко, налитое в консервную баночку. Печник успел посторониться, а Нюрка проскочить между ним и окном, а за ней повскакивали мы».

Чтец (3): «После не слишком затянувшихся споров и препирательств было решено щенка наречь пусть не совсем советским, но по-собачьи приличным именем – Джек. Правда, мы еще не знали, что так звали писателя, которым зачитывался весь мир, хотя кличка Максим тоже могла бы украсить его неким ореолом, если бы кто-нибудь из нас мог тогда придать этому сколько-нибудь серьезное значение...»

Ведущий: А вы, ребята, знаете писателя по имени Джек? По всей вероятности, здесь речь идет об американском писателе Джеке Лондоне, авторе замечательной повести «Белый Клык» – о волчонке, попавшем к людям и выросшем в большого и сильного прирученного волка. *(Можно показать обложку книги на экране.)*

Давайте послушаем рассказ, а что же там с нашим Джеком?

Чтец (4): «Пока, Нюрка... кормила Джека в сторонке от нашего тополя-великана, мы успели с придирчивостью знатоков осмотреть нечаянное приобретение, которое, видимо, тоже разбиралось в молоке, имея на то полное основание. Щенок был довольно упитан, лапы, грудь и часть головы были у него в белых

пятнах, виляющий хвостик и быстро вскидывающаяся голова располагались там, где им и полагалось быть.

– Он у нас хорошенький, – присев над жадно лакающим молоком Джеком, раз двадцать успела повторить Нюрка».

Ведущий: Читая рассказ, нетрудно представить всех обитателей двора. Речь в нем ведется от имени главного героя – Владика. Примечательными были братья Кешка с Вовкой. Они слыли фантазерами, любили все преувеличивать. Кешка уже готовился стать взрослым и мечтал купить трубку, такую же, как у товарища Сталина. А Вовка копил деньги на складной нож, а пока выходил во двор с кухонным ножом, чтобы тренироваться в отсутствие родителей.

Выяснилось вдруг, что Кешка с Вовкой видели однажды, как обучают собак. И это осталось у них в памяти.

Самым скромным и практичным среди ребят был Орик. Он предложил в этот день еще раз собраться после обеда, чтобы окончательно уладить для Джека жилищный вопрос. Ребята решили приготовить Джеку будку старого пса Трезора, выбрать из нее все лишнее, что там накопилось.

Чтец (1): «Собачья лачужка и впрямь оказалась не в лучшем виде. В кладовке я отыскал клюку, и с ее помощью нам удалось извлечь из конуры почти окаменевшую телогрейку, грудку костей, год назад пропавшую у Настасьи мутовку (*устройство для взбивания молока – Ред.*) абсолютно целенький мячик и зверски растерзанную куклу, в которой моя сестричка Розочка признала свою бедную Мусю. Так мы узнали, что наш Трезор, тихо скончавшийся в своем жилище, был при жизни отнюдь не святым. Под слежавшейся трухой нашлась и цепь, но посвящать с ее помощью нашего Джека было еще рано. Бренчащие доспехи могли погрести его под собой. Чистую конуру с задворков перенесли под яблоню у забора, набили ее свежей травой, а поверх Нюрка разостлала старенькое пальтецо с отпоротыми рукавами. Оловянная мисочка тоже нашлась, и Джек был ею доволен, поскольку она редко пустовала, но в конуре ему не сиделось и даже не спалось».

Чтец (2): «В первую же зóрю он забился к нам под крыльцо и скулил там добрую часть ночи, а утром пришлось отрывать ступеньку, чтобы вызволить его на свет. Днем он бегал по пятам за Настасьей, развешивающей белье по всему двору, и ей это явно не нравилось, боясь наступить на щенка, она постоянно оглядывалась и желала ему провалиться сквозь землю. Петух, чье прозвище Пожар вполне оправдывало как его неопишимо яркий наряд, так и драчливый характер, как-то оказавшись в нашем дворе и обнаружив мисочку возле конуры, явно вознамеривался воспользоваться завтраком Джека и даже имел намерение клюнуть щенка в голову. Но внезапно получил отпор и был с позором изгнан. Свидетелями этого зрелища, когда Джек обляял нахала, были я и Нюрка».

Ведущий: И тогда Кешка решил, что Джека уже пора дрессировать.

Чтец (3): «Анкор! – заорал он, приставив к груди щенка палку.

Знал бы Джек, во что ему обойдется эта школа, где Кешка в лице самостийного директора совмещал все тренерские должности! Нелепая муштра с бесконечными командами «лежать» и «сидеть» воспринималась щенком как игра, он охотно бегал за куриной ножкой, но только затем, чтоб погрызть, а не мчать сломя голову к ногам повелителя, где полагалось уронить вещь. Недели через две Нюрка сказала Кешке, что, если он дальше станет умучивать Джека, она его самого заставит бегать за косточкой и прыгать через этот дурацкий «анкор». Кешка обиделся...»

Ведущий: Джек был доволен: его кормили, с ним играли и дрессировку он воспринимал как забаву. Его все кормили: печник – конфетами-подушечками, Настасья – толченой картошкой. И он рос не по дням, а по часам.

Чтец (4): «Когда в солнечное утро я, еще сонный и только что с постели, босиком выходил на крыльцо, Нюрка уже сидела на ступеньке и дразнила Джека игрушечной мышкой, которая с помощью пустотелого шнурка и резиновой груши бегала довольно натурально и успела свести с ума кота Берендея, жившего на попечении четы Бухаровых. Джек научился спать в

конуре, гонялся за курами, обляял как-то ворону, спозаранку загостившуюся у нас на помойке, и Нюрка уже перестала брать его на колени, такой он сделался тяжелый, прожив полтора месяца в довольстве и холе».

Чтец (1): «Дурацкая идея опять-таки пришла в голову Кешке. Джек уже привыкал гулять с нами по саду, благо тот находился в пяти шагах от усадьбы.

И единственно, куда мы не брали щенка, это на реку. Там он мог утонуть или потеряться в березовой роще.

– Давайте научим его плавать! – осенило вдруг Кешку.

Идея была соблазнительной. Не раз мы наблюдали, как подобные нам косячки ребятни приводили с собой и рослых собак, и визгливо мечущихся под ногами шавочек, очертя голову бросающихся за своими мучителями, а то и за предметами, брошенными в воду. Соблазн был велик. Чем мы, действительно, хуже других!

– Было бы корыто, – соображая вслух, проговорил Ленька. – Тогда бы мы натаскали воды и пусть барахтался.

– Эх, вы! – сразу во всех разочаровался Кешка и даже гадливо сплюнул. – Бочка же в палисаднике. Корыто им подавай!»

Чтец (2): «Все в тот день складывалось для Джека не лучшим образом. А главное – не было Нюрки. Она ушла с матерью фотографироваться. Но сорокаведерная бочка под углом большого дома стояла на месте и была полна дождевой водой. Бочка была приземистой, с широким дном, и в ней мы пускали паровой катер, владельцем которого был Орик. Он лично зажигал в корме своего судна огарок свечи под бачком с водой, та нагревалась и, превращаясь в пар, заставляла катерок бегать по кругу, пока не кончалось топливо. Была у нас и такая захватывающая игра, как умение положить на поверхность воды иголку – так чтобы она не затонула. К этой-то купели мы и приволокли Джека. К тому моменту со стороны у нас околачивался Стручок, и, полный степенства, со шпагой в руке, заявился Герка Потугин, который по молчаливому признанию, считался в нашем местечковом захолустье лучшим оружейным мастером...»

Чтец (3): «Вся эта возня и затея с обучением Джека плаванию была мне явно не по душе. Тем более что Ньюрки не было. Далось ей с матерью это фотоателье, да еще на рынке – у черта на куличках. Джек, неразлучный с нашей компанией, путался тут же под ногами, так что Кешке ничего не стоило его подозвать, взять на руки. Подняв над бочкой сразу обеспокоившегося щенка, наш дрессировщик при всеобщем внимании, под выжидательными взглядами своих друзей и двух сторонних наблюдателей, сначала пару раз обмакнул Джека, забившегося в его руках, а затем, спасаясь от брызг, вовсе отпустил, рукавом вытирая с лица брызги.

– Поплыл! – заорал Вовка, перекрывая своим заполошным голосом захлебывающиеся поскуливания щенка».

Чтец (4): «Я тоже понимал, что Джек не только барахтается, но и плывет. Бочка после недавнего ливня была полна водой, и щенок, судорожно работая лапами, пытался хоть как-то уцепиться за набухшие края, но Кешка его отпихивал. Дурашливая радость охватила и Вовку. Они кричали «ура», подскакивая на месте. Лишь на лице Орика застыл испуг, и он, подхватив сестричку, вдруг бросился к веранде. Глаза у Джека сделались большими и блестящими, как две крупных смородины».

Чтец (1): «Опомнившись, я кинулся к бочке, едва не сцепился с Кешкой, который пытался меня оттолкнуть, и, выхватив из воды изнемогшего Джека, жалкого и дрожащего, с увеличившимся животом, попытался поставить на землю. Он уже не мог держаться на лапах. Тельце его завалилось на бок, задние лапы дернулись, из пасти пролилась струйка воды. Маленькое сердце Джека не выдержало. Жизнь из него выкатилась прежде, чем я попытался освободить его легкие от воды. Герка в это время сохранял невозмутимость. Когда я в отчаянии отступил, он кончиком своей шпаги коснулся откинувшейся в сторону мордочки, мрачно взглянул на Кешку и прикрикнул затем на Стручка, который бесновался больше других, авторитетно заметил, что собак плавать не учат: им надо дать подрасти, а уж там они сами знают, как это делается. Из дома вышла мать Орика. При виде ее Кешку и Вовку будто сдуло. Шестилетний Стручок

вскарabкался на забор, перелез и тоже канул. У Ленки от волнения открылся насморк.

– Они его плавать учили, – обращаясь к матери Орика, пояснил он».

Чтец (2): «Похоронили Джека за сараем на пустыре, выбрав местечко у забора, где росли одуванчики. Нюрка принесла коробку из-под обуви. Этого было достаточно для еще не совсем просохшего тельца, которое мы накрыли детским фартучком. Маленький, в белый горошек, этот собачий саван трогательно и наивно покрыл наш грех, и ничего, что на картонной крышке во всю длину красовался черный ботинок. Лучшего гроба для Джека не нашлось. Впервые в жизни я копал могилу и, надеюсь, справился с этим нехитрым делом. Были и кое-какие последствия. Вечером однорукий Чаркин вернулся домой навеселе и принес мозговую косточку для нашего Джека. Посвистав и почмокав губами, он оставил ее возле входа в конуру. А ночью я проснулся от стука дождевых капель за стеклом окна, но сначала мне послышалось повизгивание. «Может, у Джека протекает конура?» – со сна подумал я и лишь после этого вспомнил, что случилось днем. Нюрка плакала вечером. Но как ей спалось, не знаю. Так что, Джек, прости нас. В жалости нам не откажешь».

Ведущий: А теперь, ребята, давайте вспомним содержание рассказа и ответим на вопросы.

Вопросы для обсуждения

рассказа В. Гусенкова «Прости нас, Джек!»

1. Как автор описывает появление щенка во дворе у ребят?
2. Что случилось со старой собакой, жившей до появления щенка во дворе?
3. В разговоре о породе щенка, печник назвал его ливером. Что он имел в виду?
4. Какое имя дали ребята щенку?
5. По словам автора, так звали всемирно известного писателя? Знаете ли вы его? *(Пояснить детям, что речь идет об американском писателе Джеке Лондоне, авторе замечательной*

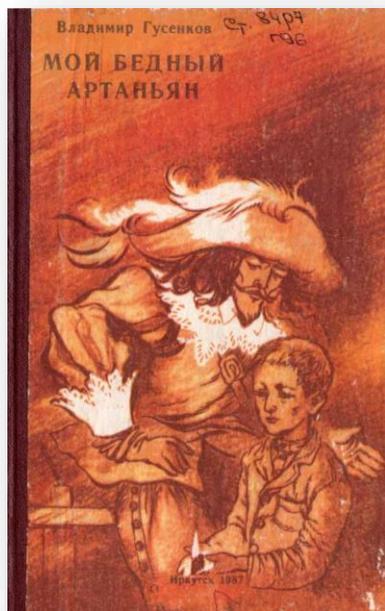
повести «Белый Клык» – о волчонке, попавшем к людям, который вырос в большого и сильного волка.)

6. Вспомните, как автор описывает окрас щенка?
7. Изменилась ли жизнь во дворе после появления щенка?
8. Кто больше всех заботился о щенке?
9. Как Кешка дрессировал Джека?
10. Чем закончилось обучение щенка плаванию? Почему щенок погиб?
11. Как вы думаете, научила ли ребят чему-нибудь трагедия, случившаяся со щенком? Какой урок они извлекли из нее?
12. Почему рассказ называется «Прости нас, Джек!»?

Военное детство

Обзор-беседа по произведениям В. Гусенкова «Бесплатка» и «Мой бедный Артаньян» для детей 11–12 лет

Повести «Бесплатка» и «Мой бедный Артаньян» Владимир Гусенков написал по воспоминаниям своего военного детства. Главного героя произведений зовут Владиком. Его детство протекало в сибирском городе, куда не долетал грохот сражений, военные действия происходили где-то далеко. Однако и в глубоком тылу жизнь была очень нелегкой. Люди страдали от нехватки еды, от нужды и холода: «Вторая зима войны с Германией оказалась куда тяжелей предыдущей. Злое время успело подсушить солдаток и вдов, повытряхнув из

их сундуков то немного, что сумели они накопить до нашествия. Наш город, и прежде не отличавшийся особой веселостью, стал вовсе напоминать понурюю лошадь, забывшую, когда ей в последний раз давали овес, а не сено»¹.

Кипели страсти на барахолке, перекупщики скупали за бесценок вещи, золотые изделия у бедствующих домохозяек и эвакуированных граждан. На барахолке можно было купить все и даже лекарства.

Несмотря на все трудности, дети продолжали ходить в школу. Особенно тяжело было зимой. О том, что пришлось испытать Владуку в одну из таких зим, можно прочесть в повести «Бесплатка». В нетопленных классах дети сидели в пальто, чернила замерзали в чернильницах, окна были закованы льдом, постоянно хотелось есть: «Думы о хлебе насущном и горячей картошке с маслом частенько мешали вникать нам в числа и постигать величие предков, завоевавших для своих потомков самую холодную часть света, в которой нам и посчастливилось родиться»². Все ждали школьных завтраков (это были пирожки или пончики) и во время больших перемен мчались в буфет. Но после каникул завтраки отменили, а вместо них ввели талоны, по которым можно было получать обеды на дом. Талоны выдавали не всем – только особо нуждающимся и с учетом успеваемости.

На улице Большой открылась бесплатная столовая – «бесплатка», но туда можно было попасть в случае крайнего истощения или после серьезной болезни по направлению врача. Все мечтали попасть в эту «бесплатку». Во время медосмотров натирали язык мелом, подбивали градусники, но школьного врача, которую прозвали Ледовухой, было не обмануть.

Главному герою повести Владуку и его другу Мишке не давали талонов, их считали благополучными: отец Мишки уже вернулся с войны инвалидом, а отца Владука не забирали на фронт. Он работал кузнецом на заводе и выполнял спецзаказы для фронта: «Дома он появлялся изредка, валился спать, не успев

---

¹Гусенков В. Мой бедный Артаньян. Иркутск, 1987. С. 4.

² Там же. С. 5.

размотать портянки, а на следующий день за ним посылали клячу, запряженную в дровни, чтобы он не тратил на ходьбу силы»³.

Владика доставалась вся работа по дому, он сам пилил дрова, топил печурку, убирался в доме, мыл посуду, чистил картошку, ходил на рынок и даже подшивал себе валенки, заботился о куске хлеба и горячем чае для отца, появлявшемся дома лишь ночью.

Мишкин отец слесарничал на дому, он делал зажигалки, паял и чинил разные бытовые приборы, работал на токарном станке. И Мишка кое-чему у него научился, а по изготовлению электрических фонариков даже превзошел отца. Выдумщик и фантазер, Мишка оказался в бригаде артистов, которые выступали в госпиталях, очень смешно изображал Гитлера. Вскоре Мишка научился изображать Геббельса и Риббентропа, но вдруг его перестали брать на выступления. Оказалось, что во время одного из концертов у лейтенанта от смеха лопнул шов.

В городе многое менялось. Дети видели, как исчезают деревянные тротуары, которыми топили печи. Даже в заборах кое-где появились бреши. Раскапывался каждый свободный клочок земли под посадку картофеля и других овощей. Сократилось поголовье четвероногих, редко в каком дворе гремел цепью пес, кошек можно было пересчитать по пальцам. Ближе к окраинам города во дворах мычали коровы.

Самые тяжелые испытания ждали Владика впереди. Отцу попала в глаз металлическая стружка, и его положили в больницу. Дядя Илларион принес мальчику отцовскую зарплату и хлебную карточку. Владик купил на рынке для отца мед, сало и яйца.

В то голодное время частыми были случаи мошенничества и воровства. За продуктовые карточки могли даже убить. Потерять их значило остаться без единственного источника получения продуктов. Именно это и произошло с Владиком, когда в очереди за хлебом женщина обманом выманила у него хлебную карточку.

Надо было как-то выживать, и Владик рассчитал, что из имеющихся у него продуктов он может съесть в день по три

---

³ Гусенков В. Мой бедный Арганьян. Иркутск, 1987. С. 12.

картофелины. Картошку можно сочетать с мерзлой капустой, и он решил варить щи. Продукты, купленные для передач отцу в больницу, он не трогал: «Я уже был наслышан, что человек без всякой еды может прожить несколько недель, но мой желудок всячески пытался опровергнуть эти нелепые измышления: он скулил, стонал и хныкал...»⁴.

Ко времени второй военной зимы Владик уже привык быть в доме и за хозяйку, и за безотказного сына. Но болезнь отца и утрата хлебного пайка надломили его. Он заметно похудел, осунулся, ходил на рынок, где вместе с беспризорниками, если повезет, подбирали замерзшие листы капусты, упавшие с прилавков морковки и лук. Мальчик рано ложился спать, чтобы не думать о еде, но никому не рассказывал, что ему практически нечего есть.

Однажды на уроке рисования Владик потерял сознание, очнулся уже в кабинете доктора. Пришлось рассказать врачу все: и что отец в больнице, и что лишился хлебной карточки. Врач сделала Владiku укол и дала направление в столовую на бесплатное питание. Это была огромная радость – ходить в «бесплатку», радость, обернувшаяся горьким разочарованием от испытанного унижения. Это хлебное место облюбовала группа подростков-вымогателей. Они сразу встретили Владика возле столовой: Мовик (требовал, чтобы ему выносили из столовой косточки от компота), Клещ (требовал от посетителей столовой хлеб с маслом) и их главарь – одноглазый Робин. Он записал Владика в амбарную книгу и заставил расписаться, затем у него обшарили карманы и забрали зажигалку – подарок Мишки. Выбор был непростым – либо отдавать блатной компании часть пайка, либо сопротивляться, однако ослабленному голодом мальчишке было не под силу вступить в противоборство со шпаной, которой верховодили настоящие бандиты. Именно Владика из всех ребят, посещавших столовую, Робин выбрал в доносители и приказал ему рассказывать обо всем, что говорят посетители столовой. Владик, конечно, не собирался этого делать и вечерами, лежа в постели, представлял свои похороны и кто из

---

⁴ Там же. С. 35.

друзей на них придет. Помог ему случай: как-то Владик пошел мыться в городскую баню, где стал свидетелем ареста Робина. На следующий день он со своими друзьями по столовой решил проучить Мовика и Клеща, поджидавших их каждый день во дворе. У ребят получилось отомстить вымогателям за свои унижения.

Были у Владика и увлечения: он любил читать книги и рисовать. За книгами ходил в городскую библиотеку, сначала один, а потом со своим другом Мишкой, зачитывались Фенимором Купером и придумывали одноклассникам прозвища. «Мы вдруг обнаружили, что Инга Сверчкова может вполне соперничать с Июньской Росой, Хеля Шелковников как есть вылитый Красный Ворон, а Пень, конечно же, Шаткий Тростник. Мы просто упивались, вычитывая такие прозвища, как Водяная Крыса, Расщепленный Дуб, Разящая Стрела и Великий Змей. Мишка сознался, что сам бы согласился подвизаться в роли Кожаного Чулка. Что касается меня, то я бесповоротно выбрал роль Ункаса – сына Великой Черепахи»⁵.

Были у друзей и другие занятия. Владик вырезал из дерева пароходики, и весной их спускали по протоке, а в них сажали капитанов. Их роль выполняли тараканы, которые водились в доме у Мишки. Этими капитанами Мишка охотно делился с Владиком.

И конечно, герои повести внимательно следили за новостями с фронта. Военные сводки громко обсуждались. И читатель видит, как меняется характер войны: миновала Сталинградская битва, приближалось сражение на Курской дуге, начиналась передислокация войск на Дальний Восток. Уже было понятно, что в скором времени фашистская Германия будет разгромлена. Мужал и главный герой повести. А что еще оставалось ребенку, рано лишившемуся матери и пережившему недетские испытания?

В повести «Мой бедный Артаньян» главные герои те же, что и в «Бесплатке». Жизнь Владика полна событий. У него прохудились валенки, и не во что было переобуться, когда по

---

⁵ Гусенков В. Мой бедный Артаньян. Иркутск, 1987. С. 60–61.

улицам потекли весенние ручейки. Купленные отцом блестящие с розовой мягкой подкладкой галоши в первый же день были украдены в школе. Владик побоялся сказать об этом отцу, порылся дома в сундуках и нашел сапоги своей матери. Пришлось идти в них школу. А там его ждал шквал насмешек и издевательств. Мальчику не хотелось выходить на перемену, и домой он пошел после всех. К счастью, мир не без добрых людей. Мама Мишки ходила к соседям и принесла Владiku новые мужские сапоги, выменяв их на женские. А вечером и отец принес с работы кирзовые сапоги.

Тут к ребятам незаметно подкралась любовь. Им обоим нравилась одна и та же девочка – одноклассница Инга. На красавицу с длинной косой заглядывались и мальчишки из других классов. Владик с Мишкой написали ей записки с признаниями. Мишка передал записку от Владика через Ингину подругу Клункину, а свою передавать не стал. Эта история имела свои последствия. Владика вызвали в учительскую и попросили не забивать себе голову несвойственными его возрасту мыслями, а Ингу родители перевели в другую школу.

Непростыми были и взаимоотношения в школе. Насколько легче было бы преодолевать все тяготы военного времени, будь в детях больше сочувствия друг к другу! Главному герою пришлось столкнуться с жестокостью и подлостью, испытать унижение, прежде чем научиться отстаивать свое достоинство.

Мальчик по прозвищу Десятка отлично учился и считался примерным учеником, а на самом деле верховодил «хорьками». Так называли группу, куда входил подловатый второгодник Пень, всегда готовый к подлости, бездарный Василек, долговязый Коршун и коротышка по прозвищу Мазня. Он ненавидел Владика только потому, что тот был «ученая птица». Компания была бы не так страшна, если бы не ее парализующее действие на других ребят. Зло становилось привычным явлением, оно было словно разлито в воздухе и порождало страх. «Я так тогда ни до чего и не додумался: почему нам, большинству, никак не удастся сладить с «хорьками». Вместо того чтобы объединиться и дать им сразу отпор, мы сначала делаем вид, будто ничего такого не происходит, а потом начинаем хныкать, а то и заискивать. Они

это сразу чувствуют. Они привыкают к тому, что мы обязаны их бояться, и начинают помыкать в открытую. Вот что получается»⁶.

Владимир Гусенков часто прибегает к параллелям, почерпнутым из мира литературы. Любимые литературные герои Владика нередко становятся помощниками в его противостоянии прозе жизни, ее суровости. Так, отождествление себя с героями книги Рони-старшего «Борьба за огонь» или с пушкинским вещим Олегом помогало ему справляться с невзгодами и неприятностями. Автор не случайно прибегает к литературным параллелям: с ними повествование обретает легкую ироническую окраску, дистанция между героем и рассказчиком сокращается.

Книга «Мой бедный Артаньян» – настоящий источник жизненной правды. Показывая жизнь во всей ее сложности, он подводит нас к мысли о том, что в этом мире при любых обстоятельствах надо оставаться человеком – не терять чувства собственного достоинства и способности к состраданию.

---

⁶ Гусенков В. Мой бедный Артаньян. Иркутск, 1987. С. 140.

Иркутск

Карнизы кружевами затканы.
Они у дымчатой реки
Висят узорчатыми складками
Как оренбургские платки.
Не в них ли книжица мудреная
В которой, строя терема
И угловатая и тронная.
Встает история сама.

И вот над гнездами сорочьими,
Над перекрестьями дорог
Воздвигнут ратниками-зодчими,
Еще неведомый острог.
Крутыми рвами и засадами
Он прочно встал на берегах.
И обрастал потом посадами,
И звякал косами в лугах.
За караванами Спафария,
Сюда за данью меховой
Тянулись слуги государевы,
Шли воеводы на постой.

Гулял топор.
Седели бороды.
Набат над площадью гудел
И душно было в этом городе
От мастеров заплечных дел.

Синклит да требники с иконами.
Точи на ворога ножи
Пока над стёртыми коронами
Кровавый выродок кружит.
Пускай проспектами горбатыми
Летят на дьявольский парад
И экс- и вице-губернаторы

И разъяренный магистрат
Хлещи гнедых в бока поджарые!
Гуляй!
Ботфортами стучи!..
С колоколами да пожарами
Грядут могильщики в ночи.
Уже дорогами кремнистыми
Через тобольские снега
Идет Волконский с декабристами
На роковые берега...
Он полон смутного неверия...
Но в тяжком говоре оков
Ему рисуется империя
В колючем зареве клинков.
И если ночь была распорота
Кровавой яростью ножей –
То это билось сердце города
Грозой сенатских мятежей.

(Гусенков В. Корабли выходят на орбиты. – Иркутск, 1961. С. 13–15.)

Литература

Владимир Гусенков : [биогр. справка, список лит.] // Иркутские писатели – детям : рек. библиогр. указ. / сост. В. А. Копылова ; Ирк. обл. дет. б-ка. – М., 1995. – С. 20–21.

Гусенков В. П. : [о нём] // Приглашаем в путешествие : путеводитель по кн. иркут. писателей / Обл. дет б-ка им. Марка Сергеева. – Иркутск : ГП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – С. 49–51: портр.

Реутский, П. Владимир Гусенков / П. Реутский // Гусенков В. Корабли выходят на орбиты. – Иркутск : Кн. изд-во, 1961. – С. 4.

Тендитник Н. Артаньян на сибирских дорогах / Н. Тендитник // Вост.-Сиб правда. – 1988. – 2 июня.

Тендитник, Н. Артаньян на сибирских дорогах / Н. Тендитник // Сибирь. – 1988. – № 5. – С. 108–112.

Гусенков Владимир Павлович [о нём] [Электронный
ресурс]. – Режим доступа:
<http://detstvo.irkutsk.ru/authors/bio.php?id=23>

Гусенков Владимир Павлович [о нём] [Электронный
ресурс]. – Режим доступа:
<http://litera.irklib.ru/object/1815458822?lc=ru>